

ЛАРИСА АРЖАКОВА*

ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ**

случай МАРИАНА ЗДЗЕХОВСКОГО И АНДЖЕЯ ВАЛИЦКОГО
(ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ)

Получено: 14.12.2024. Рецензировано: 01.03.2025. Принято: 14.04.2025.

Аннотация: В статье предпринимается попытка рассмотреть отдельные труды из богатого творческого наследия видных польских мыслителей Мариана Здзеховского (1861–1938) и Анджея Валицкого (1930–2020), проведя некоторые параллели между ними. Оба автора принадлежали XX столетию, что, как показано в статье, способно не только усложнить, сколько упростить задачу сравнительно-исторического исследования, учитывая, что связующим звеном для них выступала славянофильская идеология. Каждый из этих польских мыслителей воспринимал славянофильство как притягательное идеологическое течение, усматривая в нем потенциал для проведения детального сравнения с польским мессианизмом. Особый акцент в статье сделан на контексте, в каком сами славянофилы и польские исследователи славянофильства использовали одно из самых популярных в заданном контексте понятий — «народ». Специальное внимание уделяется сложности перевода этого термина: если в русском языке существует два понятия — «народ» и «нация», то в польском языке слово *naród* в переводе на русский язык имеет два близких значения — «народ» и «нация», что лишает перевод присущих оригинальному тексту языковых оттенков.

Ключевые слова: Мариан Здзеховский, Анджей Валицкий, славянофильство, народ, мессианизм, история понятий.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-96-121.

Справедливо заметив, что «осознание значимости языка, слов и словосочетаний оказало огромное влияние на исторический анализ, подвергнув решительным изменениям как его методы, так и его познавательные интересы» (Бёдекер, Дубина, 2010: 5), Х. Э. Бёдекер невольно вызвал ассоциацию с тем, что было сказано в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в русский язык» (1845). Там, в словарной статье «Анализ и синтез» разъяснялось, что

так называют два единственно возможные способа человеческого познания, две способности, служащие ему основой. История анализа и синтеза есть

*Аржакова Лариса Михайловна, д. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва), l.arzhakova@inslav.ru, ORCID: 0000-0002-8260-4101.

**© Аржакова, Л. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

история человеческого познания, история науки, *история понятий*¹, история образованности (Карманный словарь..., 1845: 7).

Ввиду значимости этих не существующих друг без друга понятий составители первого выпуска словаря, среди которых был литературный критик и общественный деятель В. Н. Майков², отвели их характеристике немало (по сравнению с прочими словарными статьями) места, более трех страниц убористого текста (там же: 7–11). Не вдаваясь в детали его содержания, приведем еще лишь один фрагмент, чтобы убедиться в том, насколько заключенные в нем формулировки схожи (конечно, с поправкой на хронологию) с задачами, которые решали, решают — и стремятся решить — поколения историков и социологов:

Во всех [...] приемах нашего ума цель достигается посредством двух способностей: 1) способностью мысленно различать познаваемый предмет на его составные части; 2) способностью мысленно соединять эти части в одно целое. Первая способность (и прием) ума называется *анализом*; вторая способность (и прием) называется *синтезом*. Без анализа мы вечно бродили бы в каком-то туманном представлении всего существующего, не отличая одного предмета от другого, как новорожденные младенцы; а без синтеза, при одном анализе, мы не были бы в состоянии понимать связи между бесконечным множеством явлений и предметов; ни один из них не представлялся бы нам как нечто целое, составляющее часть другого целого; во всем видели бы мы отдельные части (там же: 8).

Так или иначе, как сами понятия, так и история понятий едва ли не в первую очередь призваны способствовать разрешению сугубо практической задачи — понимания друг друга в процессе познания прошлого. Означает ли это своеобразную унификацию либо тяготение к таковой? Ведь нельзя быть абсолютно уверенным в том, что исследователи вкладывают один и тот же смысл в используемые ими (казалось бы, одни и те же, одинаково артикулируемые) понятия. Подобные ожидания скорее иллюзорны — впрочем, в той же степени, как и познание прошлого, образ которого каждый исследователь (и каждое поколение исследователей) конструирует на свой лад. В таком случае неизбежно

¹Во всех случаях курсив мой. — Л. А.

²См. развернутую характеристику литературно-критической деятельности В. Н. Майкова (младшего современника первых славянофилов), представленную Ю. С. Сорокиным во вступительном очерке к изданию его избранных произведений (Сорокин, 1985: 3–33). Высоко оценил «Карманный словарь» в своей журнальной рецензии, напечатанной в «Отечественных записках», В. Г. Белинский (Белинский, 1981: 564–565). О «Словаре» и его издателе Н. С. Кирилове см. также: Белинский, 1982: 757–758.

возникает и другой вопрос: есть ли вообще основание рассчитывать на достижение в исследовательском сообществе терминологического (понятийного) согласия, более или менее устойчивой договоренности в процессе познания (в синхронии и диахронии), условно — описания и попытки воссоздания образа прошлого? Тем более что при всем накопленном западной историографией³ богатом опыте в деле изучения истории понятий ряд вопросов, прежде всего — вызванных особенностями славянского культурно-языкового контекста, остаются открытыми, а некоторые утверждения нуждаются как минимум в комментариях⁴.

³Не новость, что не-западная, российская в том числе, историография во многом следует по ее, западной историографии, стопам, выстраивая на отечественном материале собственные (?) конструкции и формулируя собственные (?) концепции (Миллер, 2010; Понятия о России..., 2012; Миллер и др., 2012: 5–31; Понятия, идеи, конструкции..., 2019), фиксируя исходную вторичность отечественного. Аналогичная ситуация наблюдается также в современной польской историографии, где без дискуссий на сей счет дело не обходится (Domaińska, 2010; 2013; 2016; 2018; 2021; Wiślicz, 2010; 2014).

⁴Говоря о необходимости комментария, имею в виду предложенный почтенными авторами изданного в русском переводе капитального труда «Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи» (Словарь..., Левинсон, 2014) вариант названия одной из словарных статей: «Народ, нация, национализм, масса». Несмотря на то что и в начале словарной статьи, и в основном насыщенном ее содержании авторы поясняют, как следует понимать термин «масса» (ед. ч.), расположение этого термина в одном ряду с терминами «народ» и «нация», буквально через запятую, в русскоязычном контексте едва ли допустимо (см. примеры: Народ..., Левинсон, 2014: 322–325, 349 и др.). Конечно, нельзя не учитывать трудностей перевода, однако не вполне корректный перевод либо элементарное заимствование из немецкого языка того, что в русском языке требует уточнения либо дополнения/продолжения («масса народа», «масса людей», «народные массы»), не лучшим образом сказывается на вводимом в оборот термине, искажая его исходный смысл в иной культурно-языковой среде. Между тем К. Ф. Вернер, Ф. Гцницер, Р. Козеллек и Б. Шёнеман с известным пониманием констатировали сам факт того, что «слова „нация“ и „масса“ даже превратились путем заимствований в интернациональные» (Словарь..., Левинсон, 2014: 324). Значит, все-таки унификация? Но уместна ли такая унификация в славянском культурно-языковом контексте, отражает ли она насущную потребность славянских языков, учитывая, что (например) в польском и чешском языках находим то же значение слова «масса», что и в русском языке. В польском (*masa*) и чешском (*masa*) языках это слово означает, прежде всего, нечто неодушевленное, нечто бесформенное, затем — некое количество, некое множество. Только после этого славянские словари предлагают примеры употребления слова «масса» в устойчивых оборотах, но со словами «люди» или «народ»: «масса людей», «масса народу», — либо во множественном числе: «народные массы» («людские массы»). Если контекст подразумевает, что речь идет о людях, встречается употребление слова «массы» вне словосочетания. См. примеры в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: «Оторваться от масс», в смысле — утратить связь с народом, «Книгу — в массы» (Ожегов, 1986: 292). Помимо прочего, здесь принципиально важно, в каком числе — единственном или множественном — используется слово «масса». Что в единственном числе совершенно невозможно, во множественном —

Что касается первой составляющей заявленной практической задачи изучения истории понятий, а именно — «понимания друг друга», то она сохраняет — и вряд ли утратит — свою актуальность, прежде всего для соседних народов, в частности, для русского (= российского) и польского.

Вне зависимости от состояния общественного сознания и общественной мысли, в том числе историко-социологической мысли, ориентированной на постижение политической философии славянофилов, обращение к бытованию ряда таких ключевых понятий, как «народ», «власть», «политическое» и др., в трудах славянофилов, их оппонентов и идеологических преемников представляется не просто своевременным, а злободневным — всегда. Не будет большим преувеличением сказать, что принадлежность к одному славянскому племени, к одному славянскому корню⁵ не столько упрощала (упрощает), сколько во многом усложняла (усложняет) взаимопонимание между соседями⁶, между русским и польским народами⁷.

Славянофильская идеология и славянская идея никогда не оставляли равнодушным польское интеллектуальное сообщество. Но есть ли основание говорить, допустим, о польской трактовке славянофильской доктрины? Ответить утвердительно — трудно. Вместе с тем последовательное и подчеркнутое внимание поляков к внутреннему содержанию и эволюции славянофильского идейного течения в некотором смысле

допустимо. Недопустимо ставить знак равенства между словами «толпа» и «масса», где «толпа» (по умолчанию) — это люди, «масса» (по умолчанию) — нет.

⁵Вспоминая Славянский съезд 1867 г. (проходивший в Москве и Санкт-Петербурге), М. П. Погодин отмечал, что собравшиеся в Москве славяне «чувствовали себя братьями, от одного корня, — одним народом, разделенным на разные племена, — одним языком, разделенным на разные наречия» (Погодин, 1872: 425). Не осталось незамеченным, что представителей поляков на съезде 1867 г. не было, что «они, одни из Славян, стоят далече и бросают на нас суровые взгляды», хотя примиренчески настроенный М. П. Погодин — в отличие от Ю. Ф. Самарина, убежденного, что «Поляки составляют отдельную, самостоятельную ветвь [...] Славянского племени» (Самарин, 1877: 325–326), а Польша есть «острый клин, вогнанный Латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы» (там же: 333), — счел нужным подчеркнуть: «Мы не исключаем их из нашей семьи» (Погодин, 1872: 280).

⁶Означает ли это, как у Анатоля Франса в «Острове пингвинов»: «Сосед — значит враг» (Франс, Дынник, 1959: 13)?

⁷За десятилетия (столетия) об этом сказано и написано столько, что тезис о характерном для русско-польских отношений взаимопротяжении/взаимоотталкивании давно стал общим местом, однако не перестал выступать предметом специальных исследований, в том числе акцентирующих общность славянского племени и корня.

можно квалифицировать (если прибегнуть к социологической терминологии) как включенное наблюдение. Случай двух польских мыслителей — Мариана Здзеховского (1861–1938)⁸ и Анджея Валицкого (1930–2020)⁹, принадлежавших (пусть и в разной степени) XX столетию, позволяет взглянуть на проблему под заявленным углом зрения. Примечательно, что жизненные обстоятельства (круг общения, контакты, влияние) и Здзеховского, и Валицкого во многом предопределили их настойчивое стремление «понять Россию»¹⁰, что, в свою очередь, буквально диктовало постижение глубин русской философии.

Мариан Здзеховский¹¹, литературовед, философ, публицист, по рождению подданный Российской империи, успев поучиться в Петербургском и Дерптском университетах, а затем за границей, в конце 1880-х гг. перебрался в Краков¹² (в Галицию, которую он воспринимал как «по-

⁸В последней трети XX в. польская историография стала обращать на Мариана Здзеховского более пристальное внимание (об этом см.: Zaczynski, 1986). Что касается современной российской историографии, то она сравнительно недавно, что называется, открыла для себя Здзеховского (хотя о его контактах с ведущими деятелями русской культуры конца XIX – начала XX в. было, разумеется, известно). В отечественной литературе первенство в деле изучения его жизни и деятельности принадлежит В. М. Диановой, на счету которой (иногда в соавторстве) цикл статей, посвященных Здзеховскому (Дианова, 2018; 2019; 2021; Дианова и Скочинский, 2017; Дианова и Скочинский, 2020; Dianova & Rybas, 2023).

⁹Лет десять назад было сказано, что Анджея Валицкого «в стране, истории и культуре которой он посвятил жизнь и весь свой научный и творческий пыл, практически не знают» (Твердислова, 2014: 95). Сказано верно в том смысле, что, например, монография А. Валицкого 1964 г. («W kregu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany Rosyjskiego Slowianofilstwa»), сделавшая ему имя и давно ставшая классикой польской мысли XX в., была издана в русском переводе лишь в 2019 г. Впрочем, любое изменение ситуации, когда о Валицком уже что-то пишут, что-то узнают (Маслин, 2012; 2014; 2018; Моторина, 2013; Русская философия за рубежом..., 2017: 196–202), все же вряд ли позволяет с уверенностью сказать, что да — «знают», «знаем».

¹⁰Без особого преувеличения можно сказать, что задача «понять Россию» («zrozumieć Rosję») является одной из ключевых для польской русистики — русистики в широком смысле слова (см., например: Broda, 2011; 2014; 2015; 2016; 2018).

¹¹Здзеховский признавался: «родом я с Минщины» (Дианова, 2019: 690; Дианова, 2021: 47).

¹²Не исключено, что как раз это решение Здзеховского дало В. М. Диановой повод говорить о его двойной идентичности (там же). Такая формулировка — двойная идентичность — в современной литературе по данному вопросу оказалась весьма популярной (см., например: Глушковский, 2013), но признать ее бесспорной по смыслу, адекватно отражающей суть проблемы, все-таки сложно. Представляется, что двойная идентичность, вне зависимости от условий и предпосылок, способствовавших ее проявлению, заметно обесценивает идентичность как таковую. Сам факт принятого молодым Здзеховским решения в пользу Кракова скорее свидетельствует о его органической «польскости», что

следний уголок, в котором польская жизнь могла развиваться свободно»¹³), где вплоть до Первой мировой войны успешно вел научно-педагогическую деятельность. Вскоре после того, как Здзеховский обосновался в Кракове, он выступил одним из инициаторов создания Славянского клуба¹⁴, ставшего местом притяжения для многих деятелей культуры¹⁵, живо интересовавшихся славянскими делами; печатным органом Клуба стал журнал «Славянский мир» (1905–1914), главным редактором которого на протяжении десяти лет оставался единомышленник Здзеховского, историк, философ Феликс Конечный (1862–1949)¹⁶.

Хронология событий подсказывает, что основы изучения славянофильской идеологии были заложены молодым Здзеховским еще до того, как он обосновался в древней польской столице, во всяком случае, его «Очерки из психологии славянского племени. Славянофилы» (Урсин, 1887)¹⁷ были изданы сначала в Петербурге. В «Очерках» он

же касается его интенсивных научных связей с русской интеллектуальной средой, то вряд ли их следует расценивать как проявление (даже малейшее) русскости. Эмоциональная открытость Здзеховского многим деятелям русской культуры не столько превращала его в русского, сколько высвечивала сходство исканий русской и польской интеллектуальной среды на рубеже XIX–XX вв. Самое яркое тому свидетельство — обмен мнениями между М. Здзеховским и Л. Н. Толстым по поводу патриотизма.

¹³Цит. по: Дианова, 2021: 710. Известно, что вольготная жизнь под властью Габсбургов для поляков наступила отнюдь не сразу. Оглядываясь назад, Здзеховский будто напоминал соотечественникам и всем славянам: «Австрийское правительство по своей жестокости и низости в отношении к народам, входившим в состав империи Габсбургов, не имело равных себе в мире. Вынужденное поражениями в войнах 1859 и 1866 гг. к крупной перемене политики, оно даровало Галиции сравнительно широкое самоуправление, благодаря которому поляки получили возможность свободного культурного развития» (цит. по: там же).

Однако современные поляки не слишком склонны вспоминать эпоху австрийского правления в польских землях до предоставления им автономии, в чем как-то упрекнул своих соотечественников историк из Познани Д. Шимчак: «В тени осталось все, что происходило в 1772–1867 гг. А ведь в тот период поляки ненавидели австрийскую власть едва ли не сильнее всех прочих, под которыми им довелось оказаться после разделов страны. Как заметил выдающийся специалист по истории Галиции Збигнев Фрас, „итог первого, восьмидесятилетнего отрезка в истории австрийского владычества был однозначно негативным“» (Шимчак, 2017: 4).

¹⁴См. подробнее: Дианова и Скочиньский, 2020.

¹⁵О членах Славянского клуба см.: там же: 710.

¹⁶В последние лет тридцать в польской историографии заметно вырос интерес к личности Феликса Конечного и его творческому наследию (Biliński, 2000; 2001; 2003; Błachowska, 2012; Feliks Konieczny, 2020).

¹⁷«М. Урсин» — один из псевдонимов Мариана Здзеховского. Псевдоним «М. Урсин» использовался Здзеховским в русскоязычных изданиях, в польских изданиях — «Władysław Karowski» (В. Каровский).

сразу обнаружил свое намерение обратиться к сравнительному изучению славянского мира, признав, что проявлением такого стремления он был обязан прежде всего общению с профессором П. А. Висковатым (Урсин, 1887: 6). Правда, выражение сердечной признательности уважаемому профессору и посвящение ему своих «Очерков» не помешало Здзеховскому тут же отметить, что достигнутые им в ходе самостоятельных исследований результаты «во многом и весьма существенно расходятся со взглядами, проводимыми уважаемым профессором с университетской кафедры» (там же), — взглядами, как известно, во многом славянофильского толка.

Когда спустя год «Очерки» вышли в Кракове на польском языке (Zdziechowski, 1888), Здзеховский не без сожаления констатировал, что в русском переводе они появились раньше (посвящение профессору П. А. Висковатому сохранилось). Польская версия «Очерков», что естественно, оказалась более объемной, по-польски автор подробнее писал, наверное, о самом главном герое своей книги — Адаме Мицкевиче. Эмоциональная насыщенность «Очерков» чувствовалась уже в авторском предисловии. Здзеховский не только выразил надежду, что его книга найдет отклик в славянских землях, но и рассчитывал, что она может стать стимулом для изучения Польши там, где ее пока «так мало знают и, пожалуй, знать не желают» (ibid.: VII).

Содержание «Очерков» явственно свидетельствует о том, что из всего славянского мира, хотя акцент изначально и был сделан на его сравнительном изучении, Здзеховского больше всего интересовали поляки и русские, даже в первую очередь — поляки. Что касается русских (и украинских — Шевченко и Гоголя) мыслителей, то сравнение с ними, насколько можно судить, понадобилось автору в большей мере для того, чтобы познать *Своих*, по сути — охарактеризовать *Себя*, заодно ближе познакомив с поляками остальных славян. Хотя остальные славяне в «Очерках» были представлены только хорватом Петаром Прерадовичем (1818–1872)...

Здзеховский, похоже, вполне отдавал себе отчет в том, что его нынешний труд представлял собой лишь первый этап на пути создания масштабного, всестороннего исследования славянского мира, в котором — главным образом, ради сравнения — следовало, на его взгляд, сосредоточить внимание на таком жизненном явлении, которое свойственно всему славянскому миру. Здзеховский развивал свою мысль:

Таким явлением и вместе с тем всеобщей психической чертой нашего племени является *мистический патриотизм*, более известный в России под названием славянофильства, в Польше — мессианизма, и заключающийся в том, что распространившиеся в течение последнего столетия национальные стремления проявились у нас в форме мистической веры в особое наше призвание возродить погрязший в сухом рационализме мир (Урсин, 1887: 5).

Продолжая свою мысль, Здзеховский уточнял, что «это возрождение должно совершиться с помощью живого начала, чувства, которое у нас еще сохранилось и продолжает развиваться» (там же).

В польской версии «Очерков» тезис звучал эмоционально сильнее: «...благодаря исконному живительному чувству, которое только славяне смогли в себе сохранить в первозданной чистоте, это чувство, следовательно, им надлежит распространить во всем мире» (Zdziechowski, 1888: VI).

Создается впечатление, что предложенная Здзеховским программа действий, а именно — всячески способствовать возрождению погрязшего в рационализме мира, должна была стать определенной (моральной, эмоциональной, материальной?) компенсацией для славянских народов, которые, если вспомнить слова Гердера, «занимают на земле больше места, чем в истории» (Гердер, Михайлов, 1977: 470). Нельзя не заметить, что Здзеховский всегда пишет о народностях, «входящих в состав великого племени» (Урсин, 1887: 5), не о народах. Обозначение «народ» появлялось у него лишь тогда, когда речь непосредственно заходила о *простом народе* либо подразумевался простой народ, — но не тот или иной славянский народ как общность. Размышляя о второй части «Дзядов», которая, на его взгляд, «имеет только значение декорации», Здзеховский, чутко уловив настроение и намерение Мицкевича, писал, что «герой не действует в ней вовсе, представлены только обряды праздника „Дзяды“, как их понимает *народ*» (там же: 9). Но что есть народ?¹⁸

¹⁸Толковый словарь современного польского языка не содержит понятия «нация» (*nacja*), по сути, отождествляемого с понятием «народ» (*naród*). «Народ» (*naród*) есть «население определенной территории, говорящее на одном языке, связанное общим прошлым и общей культурой и сознающее эту общность»; *naród* в разговорной речи — «люди», «толпа» (Słownik..., 2006: 486). Отождествление понятий «народ» и «нация» находим также в Большом польско-русском словаре. Здесь *naród* — тоже «народ», «нация» (Гессен и Стыпула, 1980: 502); в разговорной речи — «люди». Но здесь есть и понятие *nacja* — «нация». Причем если понятие *naród* означает «народ» и «нация», то перевод понятия *nacja* предполагает лишь один вариант — «нация», с пометой «книж.» (там же: 476).

Собственно, аналогичное Мицкевичу и Здзеховскому (Здзеховскому и Мицкевичу) понимание «народа» не было чем-то особенным, вполне отвечая представлениям эпохи. Так, Ю. Ф. Самарин в одном из своих писем (1844), адресованных К. С. Аксакову, делился впечатлениями о внешнем облике столицы, несколько его обескуражившей и столь отличавшейся от Москвы:

Вот что еще замечательно в Петербурге: *простого народа*, кроме рабочих, ты нигде не увидишь. С тех пор, как я здесь, я не слышал русской песни, не слышал голоса мужика (Самарин, 1911: 142).

Гораздо позднее высказанный А. Н. Пыпиным упрек, что в Польше, мол, «*народом* считалась собственно многочисленная шляхта и ее вельможные предводители» (Пыпин, 2002: 38–39), с одной стороны, не выдерживал критики, а с другой — был способен разве что внести в умы сумятицу. В отличие от Польши / Речи Посполитой, где «народ» (*naród*) подразумевал носителей политической власти, а «простонародье» именовали *lud*, в имперской России «простонародье» и «простой народ» были едва ли не тождественны понятию «народ». Что примечательно с точки зрения «рокового» польского вопроса, Самарин фиксировал внешние отличия между Москвой и Петербургом (где *простого народа* не видно) в то самое время, когда столица бурлила мутными разговорами:

В Москве оказываются признаки вредного политического движения, зачинщиками в нем поляки, они умышленно затевают дело к вреду России, а другие пристали к ним по глупости (Самарин, 1911: 152).

Полагая, что следует как можно скорее прекратить подобные рассказы, — хотя это отнюдь не означало стремления развеять наветы, будто виной всему «польская интрига» (антипольские настроения, свойственные общественному мнению империи, вероятно, меньше всего смущали Самарина), — он призывал своих московских соратников:

Решитесь на что-нибудь. Тосты и возгласы против Петербурга не могут продолжаться вечно. Они дошли до того, что все вправе ожидать после слов дела. Мы вели такие разговоры, сколько в них было страсти, что не идти на другой день на Петербург войною значит дать шаг назад и уронить себя в общем мнении (там же).

Здесь впору вспомнить встревоженного Мицкевича, писавшего в 1832 г. Иоахиму Лелевелю:

Я уповаю только на наш *народ* и на непредвиденное никакой дипломатией течение событий. Впрочем, ты просвещеннее и опытнее меня, так действуй

сам по себе. Я бы только полагал, что стремления нашим следовало бы придать религиозно-нравственный характер. [...] Самые ученые французы не чувствуют ни патриотизма, ни страсти к свободе, они рассуждают о ней (Урсин, 1887: 23).

Такое настроение Мицкевича не было минутным; Здзеховский специально отмечал, что «от высказанных в письме этом слов не отказался Мицкевич во всю свою жизнь» (там же). Аналогичное расположение духа в полной мере проявило себя в его «Книгах народа польского и польского пилигримства», изданных в том же 1832 г. По убеждению Здзеховского, «велик был Мицкевич как поэт, но как характер был он еще выше» (там же: 36).

Вот почему вулканические взрывы восторженных чувств, посещавшие его до тех пор лишь по временам, перешли мало-помалу в хроническое состояние, и горе поэта нашло себе выход в экстазе мессианизма. Религиозность, основанная на католической почве, и глубокая вера в свой *народ* поддерживали равновесие в душе Мицкевича, но со временем бедствия родины и черный горизонт ее будущности поколебали привязанность поэта к Богу, раздоры же, отсутствие начал и низкая степень нравственного уровня среди эмигрантов лишили почвы его веру в *народ* (там же).

Красной нитью у Мицкевича проходила идея «народа», однако в каком бы контексте Мицкевич ни говорил о «народе», это понятие отнюдь не означало у него принадлежность исключительно к шляхетскому сословию. Мицкевич был попросту далек от социальной категоризации своих соотечественников. Одно ясно: в эпоху разделенной Польши под «народом» польские патриоты понимали не «массу»¹⁹, но будущее сообщество потенциальных граждан, сознающих общность своего прошлого.

Литературоведом Здзеховский был превосходным. Он без особых усилий вовлекал читателя в свое повествование, не соблюдая и не нарушая границ между текстом разбираемого произведения и собственными размышлениями. Тем не менее он никогда не забывал об основной задаче — подтвердить свой исходный тезис об особом призвании славянских народов. Так, отметив свойственный «Книгам народа польского» богословский слог, Здзеховский постарался передать главную мысль автора следующим образом:

Короли решились отвести подчиненные им *народы* от пути исполнения христовых заповедей и вместо этого научили поклоняться истукану Интереса.

¹⁹См.: Народ..., Левинсон, 2014: 322–325.

Это было источником всех войн и беззаконий. Одна только родина поэта не шла по этому пути. Не завоевывала она соседних народов, но стремилась войти с ними в братский союз во имя благодеяния веры и свободы. Таким образом произошло соединение Литвы с Польшей — прообраз будущего миролюбивого и свободного соединения всех народов. И в самом деле, никакая страна не пользовалась такой общественной свободой, как Польша. Собственно говоря, свободны были только король и шляхта, но ни в каком *народе* не было столько этой шляхты; наконец король сообщая с рыцарским сословием вздумал связать братством всех Поляков, сначала мещан, потом крестьян, посредством открытия всякому доступа к шляхетству. Действуя таким образом, они желали, чтобы всякий христианин в Польше назывался шляхтичем в знак того, что он должен иметь благородную душу. Но Польша не успела совершить этого святого дела, которое стало поэтому делом всего мира; в этом заключается общечеловеческое значение родины поэта и залог светлого будущего (Урсин, 1887: 26–27).

Передавая ключевые идеи Мицкевича, Здзеховский предпочел оставить тезисы поэта без комментария. С одной стороны, он констатировал, что «так мы уже в дебрях мессианизма, основанного на отрицании западной материалистической культуры и на вере в призвание *народа*, связанной с христианско-социальными стремлениями» (там же: 27). С другой — не предпринял попыток внести хоть малейшие коррективы в изображенную Мицкевичем картину прошлого Речи Посполитой. Для Здзеховского как будто (?) осталось незамеченным, что после соединения Литвы с Польшей, явившего «прообраз будущего миролюбивого и свободного соединения всех *народов*», это славное государство в основном именовалось Польшей. Вообще, приходится признать, что смешение этих понятий — Польша и Речь Посполитая — для литературы старой и новой дело почти обычное. Пусть так, но допустимо это лишь до той поры, пока речь не заходит о равноправии сторон в Речи Посполитой: замысел, безусловно, был хорош (особенно если воспринимать его как прекрасное прошлое), хотя, как показала практика, сразу после заключения Люблинской унии дело не обошлось без проблем. Собственно, сам факт почти отождествления понятий Польша и Речь Посполитая, прочно утвердившегося в исторической памяти (причем не только польской), вольно или невольно говорит в пользу изначального превалирования первенства Польши в государстве Обоих Народов. Однако Здзеховский то ли не считал нужным заострять на этом внимание, то ли воспринимал подобное отождествление как вполне естественное, предпочитая не затемнять светлый образ прошлого Польши / Речи Посполитой.

Русский перевод «Книг народа польского и польского пилигримства» Адама Мицкевича был издан в переломную эпоху, — не исключено, что он стал своего рода реакцией на потрясения, выпавшие на долю русского и польского народов; второе издание книги (1918) лишь подтвердило, насколько она оказалась ко времени. В обширном предисловии к тексту Мицкевича переводчик А. Виноградов не без горечи писал: «Наша действительность сделала нас свидетелями распада второго великого славянского государства раньше, нежели осуществились надежды на самоопределение поработенной Польши» (Виноградов, 1918: XLIX). Что касается характеристики поэта, данной переводчиком, то по заложенному в ней смыслу она живо напоминала то восприятие Мицкевича, какое было свойственно Здзеховскому. Так, по словам А. Виноградова,

Мицкевичу была чужда идейная ограниченность, чуждо было то опасное самоумиление, которое во всяком страдающем человеке было бы объяснимо, раз он понял значение своих страданий. Высокий строй духа, о котором он умел сказать так, как никто иной, был ему присущ в полной мере, что давало ему возможность говорить и о любви к России без боязни клеветы, и о необходимости помочь России, потрясенной церковным распадом [...] этот строй духа давал ему силу говорить без боязни подозрений в отсутствии любви к отчизне (там же: XLIX).

Когда в 1912 г. М. О. Гершензон написал: «Нам, нынешним, трудно понять славянофильство» (Гершензон, 1912: 86), вряд ли можно было представить, что не пройдет и пяти лет, как В. Ф. Эрн громко заявит:

Мое главное положение: время славянофильствует, означает прежде всего, что славянофильствует время, а не люди, славянофильствуют события, а не писатели, славянофильствует сама внезапно заговорившая жизнь, а не «серая теория» каких-нибудь отвлеченных построений и рассуждений (Эрн, 1915: 5).

Впрочем, по поводу «серой теории [...] отвлеченных построений и рассуждений» В. Ф. Эрну мог бы возразить, допустим, В. И. Ламанский, когда-то рассуждавший так: «Равноправность славянская — говорят, мечта, чистая невозможность. Кто знает? Прежде надо попробовать, а потом уж толковать о невозможности» (Переписка двух славянофилов, 1916: 5).

Что касается трудностей в понимании славянофильства (тем более в контексте истории понятий), то ряды «нынешних», то есть современников М. О. Гершензона, вполне способно пополнить не одно следующее за ними поколение. Также немало оснований говорить о сложности

понимания всей гаммы воззрений Здзеховского, касавшихся особой миссии славянских народов, среди которых он отдавал первенство Польше и полякам, его толкования славянофильства как мистического патриотизма (что в известной степени можно расценивать как своего рода перевод славянофильства на польский язык).

Если Здзеховский пребывал в атмосфере, близкой к славянофильству, пусть переведенному на польский язык (деятельность Славянского клуба служила тому подтверждением), то Валицкий постигал трудности славянофильской идеологии в иных обстоятельствах.

Анджей Валицкий²⁰, выдающийся историк русской философии, представитель Варшавской школы истории идей, по его собственному признанию, был во многом обязан своим «пробуждением интереса к России» русскому философу С. И. Гессену (Валицкий, 2020: 10–32), с которым ему довелось общаться в молодости (Валицкий, Душенко, 2019b: 6). Затем под влиянием Исая Берлина, Мартина Малии, русских эмигрантов (так, Питирим Сорокин сразу признался своему польскому собеседнику, что «теперь он „славянофил“») произошла, как позднее выразился Валицкий, «окончательная кристаллизация» его научных интересов и планов (там же: 16–18).

Будучи убежден, что в истории философии национальный аспект нельзя сбрасывать со счетов, Валицкий превосходно демонстрировал избранный им подход в своих исследованиях русской философии. Он всегда следовал за текстом, за мыслью, одновременно учитывая широкий исторический (и сугубо событийный) контекст, вне которого понимание текста и мысли терялось. Не будет, наверное, большим преувеличением сказать, что классическая монография Валицкого, посвященная «структуре и метаморфозам славянофильства» (Валицкий, Душенко, 2019a), есть не только результат кропотливого изучения и анализа творческого наследия классиков славянофильской идеологии; она являет собой (как ни легковесно это может прозвучать) популяризацию русской философии. Похоже, в такой популяризации Валицкий отчасти усматривал свою миссию. Образцом популяризации стало сравнительно недавнее издание его сборника статей и выступлений «О России иначе» (Walicki, 2019). Несколько эклектичное наполнение сборника по-своему даже выигрышно: таким образом, по воле автора, польские

²⁰О том, кто он есть и как пришел к русской философии, А. Валицкий поведал лучше всех сам, в предисловии к русскому изданию своей давно ставшей знаменитой книги «В кругу консервативной утопии...» (Валицкий, Душенко, 2019b: 6–29).

читатели получали возможность не только совершить экскурс в историю русской философской мысли, но и узнать, как их знаменитый соотечественник оценивал современное состояние русско-польских отношений и общественной мысли. Важно и то, что для самого автора такая подборка разнородных статей означала возможность лишний раз заявить о своей позиции, высказать собственное мнение. Так, в одном из текстов Валицкого, посвященных состоянию польско-русских отношений в предреволюционную эпоху, читаем:

Мое намерение состоит в том, чтобы прямо заявить: Россия тогда была для поляков — а Польша для России — проблемой не только политической, но и интеллектуальной, и связано это было с центральной проблемой, которая заключалась в идейных исканиях элит обеих стран. Как в России, так и в Польше интеллектуальные элиты на протяжении многих лет были сосредоточены на проблеме своей национальной идентичности, на своих истоках, на историческом предназначении своей отчизны, а также на необходимости совершить четкий цивилизационный выбор в отношениях с Западом и Востоком (что в случае Польши несправедливо игнорируется либо маргинализируется) (Walicki, 2019: 225).

Видно ли в том, как Валицкий охарактеризовал польско-русские (руско-польские) отношения первых пятнадцати лет XX в., кардинальное расхождение с внутренней (интеллектуальной) ситуацией России середины XIX столетия? Пожалуй, нет. Время и пространство, конечно, накладывают свой отпечаток, но в том, что касается состояния живого организма общества, склонного к идейным исканиям, поискам себя во времени (и вне времени), определения своего места, — общая, внутренняя ситуация не претерпевает значительных изменений. Кто сказал, что славянофильство принадлежит позапрошлому столетию?

Валицкий всегда считал необходимым как можно ближе знакомить читателей с главными представителями русского славянофильства: отмечать индивидуальные черты личности каждого из них, выявлять истоки мировоззрения, определять степень внешнего воздействия на становление и эволюцию идейного корпуса. Хотя, если говорить о близком, сугубо человеческом знакомстве со славянофилами, нельзя не признать правоту М. О. Гершензона, который подчеркивал:

Они все вышли из старых и прочных, тепло-насиженных гнезд. На тучной почве крепостного права привольно и вместе закономерно, как дубы, вырастали эти роды, корнями незримо коренясь в *народной* жизни и питаясь ее соками, вершиною достигая европейского просвещения, по крайней мере

в лучших семьях — а именно таковы были семьи Киреевских, Кошелевых, Самариных (Гершензон, 1912: 85).

Этот коллективный портрет, кажется, вобрал в себя всё: происхождение, материальное состояние, интеллектуальное окружение, истоки нравственных, идеологических исканий, подсказанные обыденной жизнью ответы на многие вопросы. Когда Валицкий писал о происхождении И. В. Киреевского, мы не найдем в его описании заметных отличий от живописной картины кисти Гершензона: «Создатель славянофильской доктрины Иван Киреевский был родом из старой, патриархальной дворянской семьи, которая старалась сочетать верность национальной традиции²¹ и религии с западноевропейской культурой» (Валицкий, Душенко, 2019а: 159). Что касается национального: Самарин в своем письме члену Камеры депутатов г. Могену писал: «Мы были *национальны* до Петра Великого» (Самарин, 1911: 448). Но это письмо есть перевод с французского, для которого употребление такого понятия (национальное) в заданном контексте — норма, соответственно, как и для русского, пишущего по-французски. Фраза целиком звучала несколько двусмысленно: с одной стороны, были «национальны до Петра» (позитив), с другой, продолжал Самарин, «потому что вне своего отечества не знали ничего и потому что отношения наши к соседям *были всегда враждебны*» (негатив) (Самарин, 1877: 448).

Приходится признать, что понятие «народ» (*naród* = нация = народ) является одним из самых сложных для перевода с польского языка на русский, по-видимому, как раз по причине сходства языков. От переводчика требуется знание малейших оттенков языка, требуется учитывать языковой контекст и, не в последнюю очередь, контекст исторический. Разумеется, не всегда легко бывает определить, на каком из значений (если слово имеет два близких по смыслу значения) остановиться: когда написать «национальная культура», а когда «народная культура». В современном культурно-языковом контексте — в отличие от ускользающего от нас контекста XIX столетия — эта разница для переводчика, наверное, более очевидна.

²¹Скорее всего, здесь неудачная адаптация устойчивого польского словосочетания «tradycje narodowe» к русскому языку. Поскольку «naród» — и «народ», и «нация», переводчик предпочел «narodowe» перевести как «национальные», а не «народные». Трудно сказать наверняка, но все же для русского языка XIX в. (особенно в славянофильском контексте) более характерным, пожалуй, был бы вариант «народные традиции».

Поэтому не удивительно, что русская версия классической монографии Валицкого «В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства» (Валицкий, Душенко, 2019а) способна вызвать немало вопросов, часть которых, как полагается, могла быть адресована автору, другая — переводчику²².

Когда, например, читаем, что «в кругу европейской культуры существует лишь два молодых великих народа: Соединенных Штатов Америки и России» (там же: 163), без сомнений, скорее всего, не обойтись. Соединенные Штаты Америки — это молодое государство, которое в свое время составили представители не таких уж молодых народов (но в тексте — «два молодых великих народа»), а вот тысячелетняя Россия — государство не из молодых. Несмотря на это, И. С. Киреевский в статье «Девятнадцатый век» (1832) сетовал, что Россия «не создала свою собственную, настоящую цивилизацию и по-прежнему считается молодой страной» (там же: 165). Правда, это — по Валицкому, а в оригинале, по Киреевскому, так:

Не со вчерашнего дня родилась Россия: тысячелетие прошло с тех пор, *как она начала себя помнить*; и не каждое из образованных государств Европы может похвалиться столь длиною цепью столь ранних воспоминаний. Но несмотря на эту долгую жизнь, просвещение наше, включающее нас в состав европейских обществ, не было плодом нашей прежней жизни, необходимым следствием нашего внутреннего развития; оно пришло к нам извне, и частью даже насильственно, так что внешняя форма его до сих пор еще находится в противоречии с формою нашей национальности (Киреевский, 1911: Т. 1, 98).

Вопросов к небольшому фрагменту оригинала — немало, и, наверное, не меньше — к автору монографии как глубокому знатоку предмета (и, конечно, к переводчику). Что прежде всего обращает здесь на себя внимание? Валицкий по непонятной причине оставляет в стороне фразу «с тех пор, как она начала себя помнить», вне зависимости от того, что фраза, что называется, напрямую работает на богатую, насыщенную историческую память и, соответственно, на одно из популярных современных исследовательских направлений, которое традиционно связывают с Пьером Нора и его единомышленниками. Отчего же, невольно возникает вопрос, «Франция — память», а Россия — *не* память? Справедливости ради надо сказать, что монография 1964 г. по времени выхода в свет не слишком стыковалась с исследованиями французозов, но слова

²²Здесь — уважаемому и опытному в своем деле К. В. Душенко.

Киреевского Валицкому были хорошо известны. Однако польский автор предпочел подчеркнуть, что «Россия [...] не создала свою собственную, настоящую цивилизацию». Заметим, Киреевский не пишет о цивилизации, Киреевский пишет о просвещении, пришедшем извне, причем «частию насильственно». Следует ли ставить знак равенства между цивилизацией и просвещением? Такой уверенности нет, и, что важнее, оригинал текста не указывает на такое равенство, хотя можно было бы долго говорить о том, что представляла собой «прежняя жизнь». Если придерживаться логики Самарина, то, видимо, «прежняя жизнь», которая была до Петра, как раз и содержала признаки *национального*...

Спору нет, монография Анджея Валицкого — образец капитального исследования славянофильской мысли. Вместе с тем она представляет собой прекрасный материал для наблюдений за производимыми автором анализом и синтезом, являющими собой «два единственно возможные способа человеческого познания, две способности, служащие ему основой» (Карманный словарь..., 1845: 7).

Наверное, любое добросовестное историческое исследование в некотором роде можно квалифицировать как включенное наблюдение (с известной поправкой на разницу в методологии исторического исследования и прикладной социологии). Предпринятая здесь попытка рассмотреть, если точнее — только подступить к рассмотрению (анализ и синтез — это следующая ступень) творческого наследия Мариана Здзеховского и Анджея Валицкого под заданным углом зрения более или менее внушает оптимизм, что есть немало оснований более тесно, буквально — текстуально, связывать воедино этих двух мыслителей. Но пока это лишь прикосновение, лишь заметки на полях (по поводу...), размышления над тем, в какой мере и в каких пределах исследователю позволительно создавать свои интерпретации, чтобы не терять живую связь с исходным текстом.

ЛИТЕРАТУРА

- Бёдекер Х. Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии / пер. с нем. В. Дубиной // История понятий, история дискурса, история метафор : пер. с нем. / под ред. В. С. Дубиной. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — С. 5–17.
- Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 7. — М. : Художественная литература, 1981.
- Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 8. — М. : Художественная литература, 1982.

- Валицкий А.* В кругу консервативной утопии : структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с пол. К. Душенко. — М. : Новое литературное обозрение, 2019а.
- Валицкий А.* Предисловие к русскому изданию // В кругу консервативной утопии : структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с пол. К. Душенко. — М. : Новое литературное обозрение, 2019b. — С. 6–29.
- Валицкий А.* Сергей Гессен : философ в изгнании // Сергей Иосифович Гессен / под ред. В. В. Сапова, Т. Г. Щедриной. — М. : Политическая энциклопедия, 2020. — С. 10–32.
- Виноградов А.* Предисловие // Книги народа польского и польского пилигримства / А. Мицкевич ; пер. с пол. А. Виноградова. — М. : Русский книжник, 1918. — III–L.
- Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества / пер. с нем. А. В. Михайлова. — М. : Наука, 1977.
- Гершензон М. О.* П. В. Киреевский // Образы прошлого. А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, П. В. Киреевский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев. — М. : Окто, 1912. — С. 85–141.
- Гессен Д., Стыпула Р.* Большой польско-русский словарь. В 2 т. Т. 1. А–О. — М., Варшава : Русский язык, Ведза повшехна, 1980.
- Глушковский П. Ф. В.* Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века : эволюция идентичности и политических воззрений. — СПб. : Алетейя, 2013.
- Дианова В. М.* Идея славянского единства в воззрениях Юрия Крижанича и ее последующие сторонники // Вече. — 2018. — № 30. — С. 68–79.
- Дианова В. М.* Польский вопрос в трактовке российских интеллектуалов XIX – начала XX века // Философский полилог : Журнал Международного центра изучения русской философии. — 2019. — № 2. — С. 109–117.
- Дианова В. М.* Творческая деятельность Мариана Здзеховского в свете его двойной идентичности // Studia culturae. — 2021. — № 1. — С. 46–53.
- Дианова В. М., Скочиньский Я. Г.* Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского // Вопросы философии. — 2017. — № 6. — С. 82–91.
- Дианова В. М., Скочиньский Я. Г.* «Славянский клуб» в Кракове : научно-просветительская деятельность в 1901–1912 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2020. — Т. 36, № 4. — С. 709–720.
- Карманный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, издаваемый Н. Кириловым. Выпуск первый. — СПб. : Типография Губернского правления, 1845.
- Киреевский И. С.* Полное собрание сочинений И. С. Киреевского : в 2 т. / под ред. М. Гершензона. — М. : Типография Императорского Московского университета, 1911.

- Маслин М. А.* Анджей Валицкий. Интеллектуальный портрет польского историка русской философии // Гуманитарные науки. — 2012. — № 4. — С. 88–92.
- Маслин М. А.* Анджей Валицкий как историк русской философии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. — 2014. — № 6. — С. 107–117.
- Маслин М. А.* Анджей Валицкий : «Вся моя жизнь была эмоционально связана с Россией» // Русская политология. — 2018. — № 1. — С. 86–93.
- Миллер А. И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное : трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // Imperium inter pares : роль трансферов в истории Российской империи [1700–1917]: сборник статей / под ред. М. Ауст, Р. Вудбис, А. Миллера. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — С. 42–66.
- Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И.* «Понятие о России» : к исторической семантике имперского периода. Предисловие // Понятия о России : к исторической семантике имперского периода. В 2 т. Т. 1 / под ред. Д. Сдвижкова, И. Ширле. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — С. 5–31.
- Моторина Л. Е.* Анджей Валицкий о русской идее и особенностях русской философии // Вестник Вятского государственного университета. — 2013. — № 1. — С. 18–22.
- Народ, нация, национализм, масса / К. Ф. Вернер, Ф. Гцницер, Р. Козеллек, Б. Шёнеман // Словарь основных исторических понятий : избранные статьи. В 2 т. Т. 2 / под ред. Ю. Зарецкого, К. Левинсона, И. Ширле ; пер. с нем. К. Левинсона. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — С. 322–753.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка : около 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Русский язык, 1986.
- Переписка двух славянофилов // Русская мысль. — 1916. — № 9. — С. 1–32.
- Погодин М. П.* Речи, произнесенные в торжественных и прочих собраниях. — М. : Синодальная типография, 1872.
- Понятия о России : к исторической семантике имперского периода. В 2 т. Т. 1 / под ред. Д. Сдвижкова, И. Ширле. — М. : Новое литературное обозрение, 2012.
- Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики / под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, Б. Маслова. — М. : Новое литературное обозрение, 2019.
- Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. — М. : Граница, 2002.
- Русская философия за рубежом : история и современность / под ред. М. А. Маслина. — М. : Кнорус, 2017.
- Самарин Ю. Ф.* Сочинения. В 12 т. Т. 1. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. — М. : Типография А. И. Мамонтова, 1877.
- Самарин Ю. Ф.* Сочинения. В 12 т. Т. 12. Письма 1843–1853. — М. : Типография А. И. Мамонтова, 1911.
- Словарь основных исторических понятий : избранные статьи. В 2 т. Т. 2 / под ред. Ю. Зарецкого, К. Левинсона, И. Ширле ; пер. с нем. К. Левинсона. — М. : Новое литературное обозрение, 2014.

- Сорокин Ю. С.* В. Н. Майков и его литературно-критическая деятельность // Литературная критика. Статьи. Рецензии / В. Н. Майков. — Л. : Художественная литература, Ленинградское отделение, 1985. — С. 3–22.
- Твердислова Е. С.* Пазлы в матрице Анджея Валицкого // Культурология. Дайджест. — 2014. — № 1. — С. 95–120.
- Урсин М.* Очерки из психологии славянского племени. Славянофилы. — СПб. : Типография Г. Шахт, 1887.
- Франс А.* Остров пингвинов / пер. с фр. В. А. Дынник // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 6 / под ред. Е. А. Гунста, В. А. Дынник, Б. Г. Реизова. — М. : Художественная литература, 1959. — С. 7–270.
- Шимчак Д.* «Мы друг друга понимаем...» Франц Иосиф и поляки в Галиции // Славяноведение. — 2017. — № 5. — С. 3–13.
- Эри В. Ф.* Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. — М. : Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1915.
- Biliński P.* Feliks Koneczny (1862–1949) — szkic biograficzny // Arcana. — 2000. — Nr. 3. — S. 187–212.
- Biliński P.* Feliks Koneczny (1862–1949). Życie i działalność. — Warszawa : Ad Astra, 2001.
- Biliński P.* Feliks Koneczny jako badacz dziejów Rosji i Europy Wschodniej // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. — 2003. — Nr. 38. — S. 227–246.
- Błachowska K.* Feliks Koneczny jako historyk Rosji — podstawy koncepcji // Klio Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej XIX–XX wieku. — 2012. — T. 6. — S. 169–196.
- Broda M.* „Zrozumieć Rosję”. O Rosyjskiej zagadce — tajemnice. — Łódź : Ibidem, 2011.
- Broda M.* Rosja — autorytaryzm — demokracja — wiedzy iluzją i realnością // Środkowoeuropejskie Studia Polityczne. — 2014. — Nr. 2. — S. 5–20.
- Broda M.* „Idea Rosyjska” jako problem — perspektywa filizoficzna // Kultura i wartości. — 2015. — Nr. 14. — S. 27–50.
- Broda M.* Imperialność — albo europejskość? „Rosyjskich Europejczyków” problemy z Rosją // Międzynarodowe studia polityczne i kulturowe wobec wyzwań współczesności. — Łódź : Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. — S. 153–167.
- Broda M.* Głos Rosyjskiej prawdy... „Zrozumieć Dostojewskiego” — rozumieć Rosję. — Łódź : Ibidem, 2018.
- Dianova V. M., Rybas A. E.* Interethnic Relations in Russian Publicism by M. E. Zdzichowski // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. — 2023. — Vol. 39, no. 3. — P. 436–444.
- Domańska E.* Jakiej metodologii potrzebuj współczesna hunistyka // Teksty drugie. — 2010. — Nr. 1/2. — S. 45–55.
- Domańska E.* Wiedza p przeszłości — perspektywa na przyszłość // Kwartalnik Historyczny. — 2013. — Nr. 2. — S. 221–274.

- Domańska E.* Kierunki rozwoju strategii badawczych w historii najnowszej // *Klio na wolności. Historiografia dziejów najnowszych po 1989 roku* / red. M. Kruszyńskiego [i in.]. — Lublin : IPN, 2016. — S. 215–225.
- Domańska E.* Luka paradygmatyczna we współczesnej humanistyce // *Mody. Teorie i praktyki* / red. E. Winiecka. — Poznań : PTPN, 2018. — S. 17–32.
- Domańska E.* Problemy i perspektywy polskiej historiografii współczesnej. Wprowadzenie // *Wielka zmiana. Historia wobec wyzwań... Pamiętnik XX Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 18–20.09.2019. T. 1. Potęga historii.* — Warszawa, Lublin : IPN, 2021. — S. 253–266.
- Feliks Koneczny / red. P. Skrzydlewski. — Kraków : Wydawnictwo naukowe Akademii Ignatianum w Krakowie, 2020.
- Słownik języka polskiego. Wydanie nowe. — Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2006.
- Walicki A.* O Rosji inaczej. — Warszawa : Fundacja Oratio Recta, 2019.
- Wiślicz T.* Historiografia Polska 1989–2009. Bardzo subiektywne podsumowanie // *Przegląd Humanistyczny.* — 2010. — Nr. 5/6. — S. 37–48.
- Wiślicz T.* Niedohistorie, czyli dlaczego pewne opowieści o przeszłości nie stają się historiami // *Kryptohistorie. Ukryte i utajone narracje w historii* / red. A. Bemben, R. Borysławski, J. Gajda, J. Jajszczok. — Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2014. — S. 11–21.
- Zaczyński M.* Kiedy urodził się Marian Zdziechowski // *Ruch litetracki.* — 1986. — T. 155. — S. 143–145.
- Zdziechowski M.* Mesyaniści i Słowianofile. Szkice z psychologii narodów Słowiańskich. — Kraków : G. Gebethner i Spółka, 1888.

Arzhakova, L. M. 2025. "Vkluychennoye nablyudeniye [Included Observation]: sluchay Mariana Zdzekhovskogo i Andzheya Valitskogo (zametki na polyakh) [The Case of Marian Zdzekhovski and Andrzej Walicki (Notes on the Margins)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 9 (2), 96–121.

LARISA ARZHAKOVA

DOCTOR OF LETTERS IN HISTORY

SENIOR RESEARCHER

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-8260-4101

INCLUDED OBSERVATION

THE CASE OF MARIAN ZDZEKHOVSKI AND ANDRZEJ WALICKI (NOTES ON THE MARGINS)

Submitted: Dec. 14, 2024. Reviewed: Mar. 01, 2025. Accepted: Apr. 14, 2025.

Abstract: The article attempts to examine individual works from the rich creative heritage of prominent Polish thinkers Marian Zdzekowski (1861–1938) and Andrzej Walicki (1861–1938), drawing some parallels between them. Both thinkers belonged to the twentieth century, which, as shown in the article, can simplify rather than complicate the task of comparative historical research, given that the Slavophile ideology served as the link between both authors. Each of these Polish thinkers perceived Slavophilism as an attractive ideological trend, seeing in it the potential for a detailed comparison with Polish Messianism. A special emphasis in the article is placed on the context in which the Slavophiles themselves and Polish researchers of Slavophilism used one of the most popular concepts in a given context — “the people”. Special attention is paid to the difficulties of translating this term. While Russian has two concepts — “people” and “nation”, Polish has only one word — “naród”, which has two close meanings: “people” and “nation”. This deprives the translated text of the linguistic nuances inherent in the original. Along the way, the article provides comments on modern Western and Russian historiography of the history of concepts.

Keywords: Marian Zdzekowski, Andrzej Walicki, Slavophilism, the People, Messianism, the History of Concepts.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-96-121.

REFERENCES

- Belinskiy, V. G. 1981. [in Russian]. Vol. 7 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*. 9 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- . 1982. [in Russian]. Vol. 8 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*. 9 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Biliński, P. 2000. “Feliks Koneczny (1862–1949) — szkic biograficzny” [in Polish]. *Arcana*, no. 3, 187–212.
- . 2001. *Feliks Koneczny (1862–1949). Życie i działalność* [in Polish]. Warszawa: Ad Astra.
- . 2003. “Feliks Koneczny jako badacz dziejów Rosji i Europy Wschodniej” [in Polish]. *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, no. 38, 227–246.
- Błachowska, K. 2012. “Feliks Koneczny jako historyk Rosji — podstawy koncepcji” [in Polish]. *Klio Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej XIX–XX wieku* 6:169–196.
- Bödeker, H. E. 2010. “Otrazheniye istoricheskoy semantiki v istoricheskoy kul’turologii [Ausprägungen der historischen Semantik in den historischen Kulturwissenschaften]” [in Russian]. In *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor [History of Concepts, History of Discourses, History of Metaphors]*, ed. by V. S. Dubina, trans. from the German by V. Dubina, 5–17. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Broda, M. 2011. “Zrozumieć Rosję”. *O Rosyjskiej zagadce — tajemnice* [in Polish]. Łódź: Ibidem.
- . 2014. “Rosja — autorytaryzm — demokracja — wiedzy iluzją i realnością” [in Polish]. *Środkoeuropejskie Studia Polityczne*, no. 2, 5–20.
- . 2015. “‘Idea Rosyjska’ jako problem — perspektywa filizoficzna” [in Polish]. *Kultura i wartości*, no. 14, 27–50.
- . 2016. “Imperialność — albo europejskość? ‘Rosyjskich Europejczyków’ problemy z Rosją” [in Polish]. In *Międzynarodowe studia polityczne i kulturowe wobec wyzwani współczesności*, 153–167. Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego.
- . 2018. *Głos Rosyjskiej prawdy... “Zrozumieć Dostojewskiego” — rozumieć Rosję* [in Polish]. Łódź: Ibidem.

- Dianova, V. M. 2018. "Ideya slavyanskogo yedinstva v vozzreniyakh Yuriya Krizhanicha i yeye posleduyushchiye storonniki [The Idea of Slavic Unity in the Views of Yuri Krizhanich and Its Subsequent Supporters]" [in Russian]. *Veche*, no. 30, 68–79.
- . 2019. "Pol'skiy vopros v traktovke rossiyskikh intellektualov XIX – nachala XX veka [The Polish Question in the Interpretation of Russian Intellectuals of the XIX – Early XX Century]" [in Russian]. *Filosofskiy polilog [Philosophical Polylogue]: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii [Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy]*, no. 2, 109–117.
- . 2021. "Tvorcheskaya deyatel'nost' Mariana Zdzekhovskogo v svete yego dvoynoy identichnosti [The Creative Activity of Marian Zdzekhovsky in the Light of his Dual Identity]" [in Russian]. *Studia culturae*, no. 1, 46–53.
- Dianova, V. M., and A. E. Rybas. 2023. "Interethnic Relations in Russian Publicism by M. Zdzichowski." *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies* 39 (3): 436–444.
- Dianova, V. M., and Ya. G. Skochin'skiy. 2017. "Zhizn' i mirovozzreniye Mariana Zdzekhovskogo [The Life and Worldview of Marian Zdzekhovsky]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 6, 82–91.
- . 2020. "'Slavyanskiy klub' v Krakove [The Slavic Club in Krakow]: nauchno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' v 1901–1912 gg. [Scientific and Educational Activities in 1901–1912]" [in Russian]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]* 36 (4): 709–720.
- Domańska, E. 2010. "Jakiej metodologii potrzebuj współczesna humanistyka" [in Polish]. *Teksty drugie*, nos. 1–2, 45–55.
- . 2013. "Wiedza p przeszłości — perspektywa na przyszłość" [in Polish]. *Kwartalnik Historyczny*, no. 2, 221–274.
- . 2016. "Kierunki rozwoju strategii badawczych w historii najnowszej" [in Polish]. In *Klio na wolności. Historiografia dziejów najnowszych po 1989 roku*, ed. by M. Kruszyński et al., 215–225. Lublin: IPN.
- . 2018. "Łuka paradygmatyczna we współczesnej humanistyce" [in Polish]. In *Mody. Teorie i praktyki*, ed. by E. Winiecka, 17–32. Poznań: PTPN.
- . 2021. "Problemy i perspektywy polskiej historiografii współczesnej. Wprowadzenie" [in Polish]. In *Potęga historii*, vol. 1 of *Wielka zmiana. Historia wobec wyzwań... Pamiętnik XX Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 18–20.09.2019*, 253–266. Warszawa and Lublin: IPN.
- Ern, V. F. 1915. *Vremya slavyanofil'stvuyet. Voyna, Germaniya, Yevropa i Rossiya [Time Slavophiles War. Germany, Europe and Russia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tipografiya Tovarishchestva I. D. Sytina [Printing House of Partnership I. D. Sytin].
- France, A. 1959. "Ostrov pingvinov [L'île des Pingouins]" [in Russian]. In vol. 6 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by Ye. A. Gunst, V. A. Dynnik, and B. G. Reizov, trans. from the French by V. A. Dynnik, 7–270. 8 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Gershenzon, M. O. 1912. "P. V. Kireyevskiy [P. V. Kireevsky]" [in Russian]. In *Obrazy proshlogo. A. S. Pushkin, I. S. Turgenev, P. V. Kireyevskiy, A. I. Gertsen, N. P. Ogarev [Images of the Past. A. S. Pushkin, I. S. Turgenev, P. V. Kireevsky, A. I. Herzen, N. P. Ogarev]*, 85–141. Moskva [Moscow]: Okto.
- Gessen, D., and R. Stypula. 1980. *A–Ó* [in Russian]. Vol. 1 of *Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar' [A Large Polish-Russian Dictionary]*. 2 vols. Moskva [Moscow] and Varshava: Russkiy yazyk / Vedza povshekhna.

- Glushkovskiy, P. 2013. *F. V. Bulgarin v russko-pol'skikh otnosheniyakh pervoy poloviny XIX veka* [F. V. Bulgarin in Russian-Polish Relations of the First Half of the 19th Century]: *evolyutsiya identichnosti i politicheskikh vozzreniy* [The Evolution of Identity and Political Views] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Herder, I. G. 1977. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit] [in Russian]. Trans. from the German by A. V. Mikhaylov. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Kagarlitskiy, Yu., D. Kalugin, and B. Maslov, eds. 2019. *Ponyatiya, idei, konstruksii. Ocherki sravnitel'noy istoricheskoy semantiki* [Concepts, ideas, constructions. Essays on Comparative Historical Semantics] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Karmannyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkiy yazyk, izdavayemyy N. Kirilovym. Vypusk pervyy [Pocket Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language, Published by N. Kirilov. The First Issue] [in Russian]. 1845. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Gubernskogo pravleniya [Printing House of Provincial Government].
- Kireyevskiy, I. S. 1911. *Polnoye sobraniye sochineniy I. S. Kireyevskogo* [The Complete Works of I. S. Kirevsky] [in Russian]. Ed. by M. Gershenzon. 2 vols. Moskva [Moscow]: Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta [Printing House of the Imperial Moscow University].
- Maslin, M. A. 2012. "Andzhey Valitskiy. Intelktual'nyy portret pol'skogo istorika russkoy filosofii [Andrzej Walicki. An Intellectual Portrait of the Polish Historian of Russian Philosophy]" [in Russian]. *Gumanitarnyye nauki* [Humanities], no. 4, 88–92.
- . 2014. "Andzhey Valitskiy kak istorik russkoy filosofii [Andrzej Walicki as a Historian of Russian Philosophy]" [in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya* [Vestnik of the Moscow University, Ser. 7. Philosophy], no. 6, 107–117.
- , ed. 2017. *Russkaya filosofiya za rubezhom* [Russian Philosophy Abroad]: *istoriya i sovremennost'* [History and Modernity] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Knorus.
- . 2018. "Andzhey Valitskiy [Andrzej Walicki]: 'Vsya moy zhizn' byla emotsional'no svyazana s Rossiyei' ['My Whole Life Has Been Emotionally Connected with Russia']" [in Russian]. *Russkaya politologiya* [Russian Political Science], no. 1, 86–93.
- Miller, A. I. 2010. "Priobretenie neobkhodimoye, no ne vpolne udobnoye [Acquisition Necessary, but not Quite Convenient]: transfer ponyatiya natsiya v Rossiiyu (nachalo XVIII – seredina XIX v.) [Transfer of the Concept of Nation to Russia (Early XVIII – mid XIX Century)]" [in Russian]. In *Imperium inter pares* [Imperium inter pares] : *rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii [1700–1917]: sbornik statey* [The Role of Transfers in the History of the Russian Empire [1700–1917]: Collection of Articles], ed. by M. Aust, R. Woodpeace, and A. Miller, 42–66. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Miller, A. I., D. A. Sdvizhkov, and I. Shirle. 2012. "'Ponyatiye o Rossii' ['The Concept of Russia']: k istoricheskoy semantike imperskogo perioda. Predisloviye [Towards the Historical Semantics of the Imperial Period. Preface]" [in Russian]. In vol. 1 of *Ponyatiya o Rossii* [Concepts of Russia] : *k istoricheskoy semantike imperskogo perioda* [On the Historical Semantics in Imperial Period], ed. by D. Sdvizhkov and I. Shirle, 5–31. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Motorina, L. Ye. 2013. "Andzhey Valitskiy o russkoy ideye i osobennostyakh russkoy filosofii [Andrzej Walicki on the Russian Idea and the Peculiarities of Russian Philosophy]" [in Russian]. *Vestnik Vyat'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Vyatka State University], no. 1, 18–22.

- Ozhegov, S. I. 1986. *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]: okolo 57 000 slov [About 57,000 words]* [in Russian]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moskva [Moscow]: Russkiy yazyk [Russian Language].
- "Perepiska dvukh slavyanofilov [Correspondence Between Two Slavophiles]." 1916 [in Russian]. *Russkaya mysl'*, no. 9, 1–32.
- Pogodin, M. P. 1872. *Rech'i, proiznesennyye v torzhestvennykh i prochikh sobraniyakh [Speeches Delivered at Solemn and Other Meetings]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Sinodal'naya tipografiya [Synodal Printing House].
- Pypin, A. N. 2002. *Panslavizm v proshlom i nastoyashchem [Pan-Slavism in the Past and Present]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Granitsa.
- Samarin, Yu. F. 1877. *Stat'i raznorodnogo sodержaniya i po pol'skomu voprosu [Articles of Diverse Content and on the Polish question]* [in Russian]. Vol. 1 of *Sochineniya [Essays]*. 12 vols. Moskva [Moscow]: Tipografiya A. I. Mamontova [Printing House of A. I. Mamontov].
- . 1911. *Pis'ma 1843–1853 [Letters 1843–1853]* [in Russian]. Vol. 12 of *Sochineniya [Essays]*. 12 vols. Moskva [Moscow]: Tipografiya A. I. Mamontova [Printing House of A. I. Mamontov].
- Sdvizhkov, D., and I. Shirle, eds. 2012. [in Russian]. Vol. 1 of *Ponyatiya o Rossii [Concepts of Russia]: k istoricheskoy semantike imperskogo perioda [On the Historical Semantics in Imperial Period]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Shimchak, D. 2017. "My drug druga ponimayem..." Frants Iosif i pol'yaki v Galitsii ["We understand each other..." Franz Joseph and the Poles in Galicia]" [in Russian]. *Slavyanovedeniye [Slavic Studies]*, no. 5, 3–13.
- Skrzydlewski, P., ed. 2020. *Feliks Koneczny* [in Polish]. Kraków: Wydawnictwo naukowe Akademii Ignatianum w Krakowie.
- Słownik języka polskiego. Wydanie nowe* [in Polish]. 2006. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.
- Sorokin, Yu. S. 1985. "V. N. Maykov i yego literaturno-kriticheskaya deyatel'nost' [V. N. Maikov and His Literary and Critical Activity]" [in Russian]. In *Literaturnaya kritika. Stat'i. Retsetszii [Literary Criticism. Articles. Reviews]*, by V. N. Maykov, 3–22. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, Leningradskoye otdeleniye.
- Tverdislova, Ye. S. 2014. "Pazly v matritse Andzheya Valitskogo [Puzzles in the Matrix by Andrzej Walicki]" [in Russian]. *Kul'turologiya. Daydzhest [Culturology: Digest]*, no. 1, 95–120.
- Ursin, M. 1887. *Ocherki iz psikhologii slavyanskogo plemeni. Slavyanofily [Essays from the Psychology of the Slavic Tribe. The Slavophiles]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya G. Shakht [Shakhty Printing House].
- Vinogradov, A. 1918. "Predisloviye [Preface]" [in Russian]. In *Knigi naroda pol'skogo i pol'skogo piligrimstva [Księgi narodu Polskiego i pelgrzymstwa Polskiego]*, by A. Mickiewicz, trans. from the Polish by A. Vinogradov, III–L. Moskva [Moscow]: Russkiy knizhnik.
- Walicki, A. 2019a. *O Rosji jnaczej* [in Polish]. Warszawa: Fundacja Oratio Recta.
- . 2019b. "Predisloviye k russkomu izdaniyu [Preface to the Russian Edition]" [in Russian]. In *V krugu konservativnoy utopii [In the Circle of a Conservative Utopia]: struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva [Structure and Metamorphoses of Russian Slavophilism]*, trans. from the Polish by K. Dushenko, 6–29. M.: Novoye literaturnoye obozreniye.
- . 2019c. *V krugu konservativnoy utopii [In the Circle of a Conservative Utopia]: struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva [Structure and Metamorphoses of*

- Russian Slavophilism*] [in Russian]. Trans. from the Polish by K. Dushenko. M.: Novoye literaturnoye obozreniye.
- . 2020. "Sergey Gessen [Sergey Gessen]: filosof v izgnanii [A Philosopher in Exile]" [in Russian]. In *Sergey Iosifovich Gessen [Sergey Iosifovich Gessen]*, ed. by V. V. Sapov and T. G. Shchedrina, 10–32. Moskva [Moscow]: Politicheskaya entsiklopediya.
- Werner, K. F., et al. 2014. "Narod, natsiya, natsionalizm, massa [Volk, nation, nationalism, masse]" [in Russian]. In vol. 2 of *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy [Geschichtliche Grundbegriffe] : izbrannyye stat'i [Selected Articles]*, ed. by Yu. Zaretskiy, K. Levinson, and I. Shirle, trans. from the German by K. Levinson, 322–753. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Wiślicz, T. 2010. "Historiografia Polska 1989–2009. Bardzo subiektywne podsumowanie" [in Polish]. *Przegląd Humanistyczny*, nos. 5/6, 37–48.
- . 2014. "Niedohistorie, czyli dlaczego pewne opowieści o przeszłości nie stają się historiami" [in Polish]. In *Kryptohistorie. Ukryte i utajone narracje w historii*, ed. by A. Bemben et al., 11–21. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Zaczyński, M. 1986. "Kiedy urodził się Marian Zdziechowski" [in Polish]. *Ruch littracki* 155:143–145.
- Zaretskiy, Yu., K. Levinson, and I. Shirle, eds. 2014. [in Russian]. Vol. 2 of *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy [Geschichtliche Grundbegriffe] : izbrannyye stat'i [Selected Articles]*, trans. from the German by K. Levinson. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Zdziechowski, M. 1888. *Mesyaniści i Słowianofile. Szkice z psychologii narodów Słowiańskich* [in Polish]. Kraków: G. Gebethner i Spółka.